

**«История похода в Россию» полковника артиллерии, маркиза
Жоржа де Шамбре – один из источников романа
Л.Н. Толстого «Война и мир»**

Среди многочисленных французских источников романа Л.Н. Толстого «Война и мир» упоминается сочинение полковника артиллерии, маркиза де Шамбре, которое вышло в Париже под названием «История похода в Россию в 1812 году». В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что его автор был военным писателем, который участвуя в наполеоновских войсках, приобрел репутацию отличного артиллериста. Из его трудов наиболее известны «Философия войны» и упомянутая выше «История похода в Россию»ⁱ.

В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» 2004 г. издания мы находим даты его жизни (1783–1848), титул маркиза и имя Жорж, а также узнаем о том, что он в 1801 г. поступил в Политехническую школу в Париже, а вскоре был произведен в капитаны артиллерии. Во время войны 1812 года служил в гвардейской артиллерии, в декабре был взят в плен и отправлен на Украину. Возвратился во Францию в 1814 г. В 1830 г. вышел в отставку в звании маршаль де кан. Первое издание его «Похода в Россию» в двух томах осуществлено в 1823 г.; 2-е и 3-е издания в трех томах относятся к 1825 и 1839 гг.ⁱⁱ (все тома опубликованы на французском языке, в Париже).

По свидетельству толстоведов, Лев Николаевич читал первый из трех томов издания 1825 г. (Т. 16, С. 144)ⁱⁱⁱ. К сожалению, этот том не сохранился в домашней библиотеке писателя в Ясной Поляне, поэтому экземпляр, по которому пришлось работать автору этой статьи, не имеет следов чтения Толстого^{iv}.

На титульном листе дано в виде эпитафии изречение Тацита из его произведения «Жизнь Агриколы»: «Que priores eloquentia percolukre regum fide tradentur». «Будет сказано, что за красноречие и верность долгу лучшим мужам воздастся почтение»^{*1}. Возможно, этим изречением Шамбре хотел выразить надежду на то, что и его труд со временем оценят по достоинству.

В этом томе нет сюжетов, о которых можно было бы сказать, что они заимствованы Толстым для создания тех или иных сцен в романе, а если и попадаются какие-то детали или описания, рассуждения автора, похожие на те, что мы находим на страницах романа, то мы не можем утверждать, что они взяты Толстым из этого одного источника, а не из многих других, которыми он пользовался. Однако, памятуя о том, что при ознакомлении с неизвестным или малоизвестным иностранным источником часто бывают важны не столько выводы, сколько само содержание, повествующее о событиях, отраженных писателем в его художественном произведении, и еще раз подтверждающее его собственные мысли или почерпнутые им из других источников.

В третьем томе сочинения Шамбре 386 страниц. Он включает предисловие (Р. V–VI), уведомление о втором издании книги (Р. VII–XII), вступление, дающее картину политических военных событий, происходящих в Европе со времени прихода Бонапарта к власти до похода в Россию (С. 1–111), примечания к введению (С. 112–158). Затем идет описание самого похода Наполеона с его началом, потерями французской армии, отдельными столкновениями с русскими войсками, наконец, сражением под Смоленском и отступлением русской армии под командованием Баркляя де Толли при постоянном преследовании ее Наполеоном. В конце книги – примечания (43 страницы) к описанию похода.

Уже в уведомлении к изданию Шамбре отмечает, что старался «говорить

---

* Перевод с латинского Н.И. Журавлевой.

правду несмотря на боязнь столкнуться с заблуждениями, касающимися русских. Моя работа опередила труд полковника Бутурлина^V примерно на пятнадцать месяцев, и в ней говорится о силе французской армии в разные годы. Подтверждением этому являются отчеты, самые точные из всего, что можно было раздобыть, опираясь на факты в этой области. Наконец, труд полковника Бутурлина, посвященный императору Александру и написанный по его приказу, появился в стране, где печать была зависима от власти.

Я в этом плане более счастливый, совсем не испытывал таких препятствий; те институты, что правят нами, позволили мне высказаться свободно. Поэтому я выражал чистосердечную правду, не применяя никаких усилий для ее раскрытия, и говорил о ней без оговорок.

Что касается размышлений и суждений, которые я позволил себе, то я имел твердое убеждение быть непредвзятым и употребил все свои старания, чтобы сдерживать сильные чувства, которые могут увлечь того, кто был действующим лицом событий, о которых идет речь.

Всем желательно знать, в каком звании находился историк, повествующий о событии, столь близком к нам. Я дам это сведение, несмотря на нежелание говорить о себе. Я был во времена похода в Россию капитаном кавалерийской артиллерии императорской гвардии. Я следовал с этим корпусом в Москву и во время отступления до Вильны, где я был взят в плен. Едва оправившегося от серьезной болезни меня отправили в Чернигов, на Украину. Именно там, охваченный страданиями всецело расшатанного здоровья, я задумал написать обо всем. (Chambray. P. X–XI).

Во вступлении Шамбре рассматривает причины, приведшие к войне с Россией. Толстого, безусловно, интересовала эта проблема, ответы на свои вопросы он в первую очередь искал в исторических трудах русских авторов, но обращался и к другим источникам, знакомясь с работами мемуаристов и историков, находившихся по другую сторону, т.е. тех, кто защищал интересы

Наполеона.

В этом плане воспоминания Шамбре представляют особый интерес, потому что у него нет оправдания действиям Наполеона, развязавшего войну. В них читатель не находит любования личностью Наполеона, возможно потому, что он никогда не был его кумиром, так как никогда не был близок к нему, как его адъютанты, для которых каждый его жест или слово становилось законом, а может быть, причиной тому явилось время, отделившее воспоминания от изображаемых событий и заставившее его посмотреть на них трезвым взглядом, объективно оценить все, что было увидено и пережито в этом походе, особенно вскрыть эгоистическую сущность Наполеона, ненасытность его захватнических целей.

Политическая обстановка накануне войны Франции с Россией

Шамбре писал, что дружеские отношения между Францией и Россией не могли существовать длительное время. Чтобы ослабить военную мощь России, французский монарх послал своего чрезвычайного посла в Константинополь в надежде втянуть султана в войну против русских и поставить самого султана во главе войск антирусской коалиции, но посол опоздал, так как переговоры между Россией и Турцией уже завершились подписанием мирного договора. Теперь Наполеону пришлось вести переговоры с Россией.

«В течение этих переговоров, – отмечает автор воспоминаний, – Наполеон адресовал Александру следующие предложения: согласиться на компенсацию герцогства Ольденбургского, взять обязательство поддерживать условия договора Тильзита, приняв, однако, с общего согласия систему лицензий для ввоза колониальных товаров; заключить коммерческий договор, основой которого должен бы быть тариф от 30 декабря 1811 года, но с внесением нескольких изменений в пользу французской торговли. Со своей стороны, Наполеон обязывался не восстанавливать Польское королевство и не

поддерживать никаких действий, могущих прямо или косвенно привести к этой цели. Через несколько дней после отправки этих предложений в Санкт-Петербург Даву вторгся в Пруссию во главе 80 тысяч солдат, а вскоре за ним последовали другие корпуса французской армии. Таким образом, стало очевидно, что единственной целью предложений Наполеона было стремление обмануть Александра. Русский монарх получил почти одновременно с предложениями Наполеона новость о вступлении французов в Пруссию. Он тотчас приехал в Вильну, принял командование своей армией и приказал ответить через своего посла в Париже князя Куракина.» (Chambray. P. 106–107). В письме Наполеону, он выдвигал свои условия для избежания столкновения между государствами: «Освободить от наполеоновских войск Пруссию и несколько крепостей, которые они занимали, сократить гарнизон Данцига до численности 1810 года, вернуть Померанию шведам. Если бы Наполеон согласился на эти требования, Александр обязался не вносить никаких изменений в запретительные меры, которые тот утвердил против прямой торговли с Англией; ввести в России, по примеру Наполеона и согласно с ним, систему лицензий; привести несколько изменений в интересах французской торговли к тарифу 30 декабря 1811 года; наконец, согласиться на обмен герцогства Ольденбургского на эквивалентную территорию. Этот ультиматум должен был склонить Наполеона к войне с Россией, если бы он уже не принял этого решения. Поэтому он ускорил марш своих войск, но, чтобы оставить Александра в сомнении относительно своих решений, которые он примет, его министр иностранных дел адресовал ответ князю Куракину, несмотря на быстроту разворачивающихся событий, только по окончании пятнадцати дней, чтобы затем запросить, в свою очередь, получил ли Куракин необходимые полномочия для заключения договора. Эта задержка и этот ответ доказывали, что Наполеон искал возможность выиграть время. Поэтому Куракин, не получив однозначного ответа, запросил свои

паспорта, но не мог их получить по той же причине, по какой откладывался ответ.

Несомненно, Наполеон развязывал войну в России, чтобы поставить эту державу под свое ярмо. Такие решения вполне соответствовали сути его характера. Иначе он должен был ждать случая, чтобы начать новую войну после того, как Испания будет покорена. Он уже устал от отдыха, которым пользовался со времени своей второй женитьбы. Война была для него не только достижением цели, это было приятное времяпровождение, полная удовольствий игра, которая придавала его жизни самый большой интерес.

Те потери, что понесли его войска в Испании в 1811 г. и начале 1812 г. погрузили его в пучину неопределенности. Он чувствовал, насколько окажется недальновидным, ведя войну против России в подобных условиях, и что следовало бы немедленно склониться к предложениям Александра. Политическое здравомыслие требовало от него этого, но его самолюбие противилось этому, характер толкал его к войне. Эти побуждения овладели им. И как только он покорился им, он обрел спокойствие духа и нечто вроде веселья, которые он испытывал, предвкушая большие удачи, которые он так часто испытывал.

Целой Европе предстояло быть втянутой в борьбу, которая должна была вот-вот разгореться.

Наполеон распоряжался по-хозяйски всеми, кто входил в Рейнский Союз: Италией, Иллирией, Далмацией и герцогством Варшавским; Австрия, Пруссия, Швейцария и Дания были его союзниками. Он бахвалился повлиять на Турцию и втянуть ее в войну против России, не терял надежду добиться совместных действий со Швецией.

Россия подчеркнуто отстранилась, рассчитывая на Англию, которая в течение многих лет была противником этого завоевателя. Она надеялась на то, что султан утвердит предварительные переговоры о мире, подписанные в

Бухаресте, а секретный договор, заключенный со Швецией, обещал ей сотрудничество с этой державой, если война разразится в Германии. Поэтому Россия могла рассчитывать на сдержанность части из этих союзников как на силу, препятствующую движению Наполеона. Наконец, Испания и Португалия оказывали своим героическим сопротивлением значительное отвлекающее действие в пользу России. Такова была политическая обстановка в Европе, когда Наполеон покинул Францию, чтобы принять командование своими армиями» (Chambray. P. 110–111).

Уже в этом вступлении Толстой мог почерпнуть немалый материал для характеристики Наполеона, чтобы развенчать эту личность и утверждать, что «нет величия там, где нет простоты, добра и правды» (Т. 12. С. 165).

Касаясь истории возникновения конфликта между Россией и Францией, Толстой как бы объединяет рассуждения Шамбре с историческими материалами и дает такого рода резюме в начале описания войны: «Что произвело это необычайное событие? Какие были причины его? Историки с наивной уверенностью говорят, что причинами этого события были обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюдение континентальной системы, властолюбие Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатов и т.п.» (Т. 11. С. 3).

И далее мы читаем в «Войне и мире»: «Русский император между тем более месяца уже жил в Вильне, делая смотры и маневры. Ничего не было готово для войны, которой все ожидали, и для приготовления к которой император приехал из Петербурга. Общего плана действий не было» (Т. 11. С. 11).

Шамбре словно расшифровывает сжатый вывод писателя и, анализируя обстановку, окружавшую Александра перед нападением Наполеона на Россию, называет в качестве одной из существенных причин войны слабость Александра, проявившуюся в плохой осведомленности о силах своего

противника, его неподготовленность к войне.

«Обманутый ложными сведениями, – писал он, – Александр думал, что армия Наполеона менее многочисленна, чем была в действительности. Его заблуждение относительно силы армии Наполеона исходила из неточности докладов, которые ему адресовал полковник Чернышев – один из его адъютантов, посланных с миссией к Наполеону незадолго до начала военных действий. Этот офицер тайно добывал сведения о положении французской армии от полиции, взявшейся ему их доставать. Эта полиция и держала его в заблуждении, продолжавшемся вплоть до его отъезда, пока Наполеон не доставил себе удовольствия обратиться к нему с упреками относительно его поведения, показав копии последних документов, полученных им. С этого момента Чернышев попытался подкупить одного служащего, но получил лишь неполные сведения, которые и ввели Александра в заблуждение относительно силы французской армии. Это заблуждение длилось долго вследствие трудности, которую испытывали русские в оценке силы французской армии по причине той беспорядочности, с какой формировались ее полки и дивизии.

Было бы трудно определить, стало ли это заблуждение, в которое впал Александр, для него полезным или вредным. С одной стороны, оно было полезным, так как, если бы Александр точно знал силы своего противника, он мог склониться перед волею Наполеона. Но тем не менее, несмотря на то что он настаивал на своих требованиях, заблуждение было вредным, потому что точное знание силы армии, с которой Наполеон шел в наступление, бесспорно, заставило бы его заранее собрать средства защиты, к которым он обратился только тогда, когда пошатнулась его мощь» (Chambray. P. 365–366).

Отсюда вытекало и рассуждение Шамбре о недостаточной охране наших границ в Европе, порученной казачеству. Вспомним, Толстой упоминает о казаках в романе, которых видит Наполеон на чужом берегу реки и на другой день отдает приказание своим войскам о ее переходе.

«Можно заметить, – пишет Шамбре, – что русская армия насчитывала только малое количество казаков – войско, необходимое на широких просторах востока Европы, особенно для ведения оборонительных войн.

Александр мог бы легко выставить вчетверо большее количество, но, не сделав этого, совершил большую ошибку» (Там же).

История польского народа – союзника Франции в войне 1812 года

Немалое место в своих записках Шамбре уделяет истории польского народа, сражавшегося на стороне французов. Толстой неоднократно упоминает в романе о действиях поляков. С самого начала описания войны 1812 года он говорит, что они одни из первых переплывают реку, вступая на русскую землю, у него Наполеон переодевается в польский мундир и ночует в Вильковисском лесу в имении польского графа; одним из его персонажей выступает историческое лицо князь Понятовский, командовавший Пятым (польским) армейским корпусом Великой армии в этой войне.

Шамбре объясняет причину действий поляков, возвращая читателя к их истории, к потере государственной самостоятельности, и захвату их территории русскими и прусскими войсками; говорит о положении провинций, подвергаемых всякого рода издевательствам и грабежам, вызывавшим всеобщее чувство возмущения, приведшее к восстанию Польши против поработителей под руководством генерала Костюшко. «И хотя восстание потерпело поражение, все его усилия были не напрасны, так как имели слабое утешение продемонстрировать последние усилия своей несчастной Родины и заставить врагов согласиться на то, что их народ достоин лучшей участи. Взятием Праги, предместья Варшавы (2 ноября 1794), закончилось существование республики. Австрия, Пруссия и Россия поделили ее провинции, так исчезла мощная и знаменитая нация, но остались ее воспоминания, и, не принимая совсем обычаи своих новых хозяев, они

продолжали сплачивать народ.

Много поляков вынуждено было покинуть родину. Франция приняла их и разместила военных в польских полках, укомплектованных вместе с пленными и дезертирами, во множестве появившимися во время войны, развязанной против Австрии. Наполеон отправил их большую часть в Сан-Доминго, где они несли большие потери, наконец их слабые остатки попали в Польшу вместе с французской армией в 1806 г. и составили ядро польской армии, которая с этого времени начала формироваться.

Независимость, снова обретенная по Тильзитскому договору частью Польши под названием герцогства Варшавского, дала им надежду на полное восстановление.

Убежденные, что эта мера была в интересах Наполеона и входила в его планы, они удвоили свои попытки с горячим усердием; часть их войска служила ему в войне в Испании; в 1809 г. они принимали участие в диверсии в его пользу; они надеялись на сражение за независимость польских провинций, которыми владела Австрия. Они ошиблись, Венский договор ничего не предусмотрел в защиту их интересов. Война, которую Наполеон собирался предпринять, оживила их надежды.

В своем предположении они не думали о возможных потерях и утверждали, что польские провинции, находившиеся в руках России, должны были восстать при приближении Наполеона.

Однако ничего подобного не произошло, так как если ненависть между поляками и немцами сохранилась навсегда из-за различия обычаев, нравов и языка, то противоположные причины этого же свойства значительно ослабили ту, что господствовала между ними и русскими. Таково было положение польского народа в эпоху похода на Россию» (Chambray. P. 363–364).

Отношение Наполеона к польскому народу. Использование надежд

ПОЛЯКОВ

«В первые дни нашествия Наполеон приказал объявить крестьянам, что он несет им свободу. Бесспорно, он слышал, что ее хотели получить жители герцогства Варшавского с того времени, как эта провинция отошла к Пруссии. Эти несчастные насмотрелись, как ими командуют хозяева, и услужались, как рабы, не умея отличить свободу от вольности.

Во многих местах они ограбили своих хозяев, в других – отказывались им повиноваться, лишая хозяев возможности выполнять требования французов. Наполеон, очень заинтересованный в хороших отношениях с дворянством и сохранении порядка, приказал оказывать поддержку господам и прекратил сам говорить о свободе крестьянам. Надежду, которую он сначала подал последним, восстановило против него дворянство, оно увидело в какой-то момент себя открытым ко всем опасностям народного движения. Но что действительно изменило, по его мнению, настроение всех классов, так это разорение страны, особенно крестьян, с которыми жестоко обращались, их обманули в надеждах, только что обретенных, и это целиком восстановило их против него» (Chambray. P. 182).

«Во время остановки, сделанной Наполеоном между Эве и Вильной, он приказал привести одного крестьянина. Этот несчастный пал перед ним ниц по обычаю польских крестьян, когда они оказывались перед человеком, стоящим рангом выше них, и слушал его с тупым видом». (Chambray. P. 367).

Наполеон боялся подобного типа крестьянина. Их пробуждение было страшным, они сплывались со своими братьями, образуя необузданную стихию.

«Вот почему, – пишет Шамбре, – упорядочить распределение продуктов удавалось только на некоторых, первых этапах марша, далее это стало невозможно сделать из-за трудностей с продовольствием. Нельзя было адресовать просьбы о продуктах питания к помещикам, которые не могли

удовлетворить эти просьбы, если их крестьяне отказывались подчиняться им. Отчеты, направленные императору, являлись доказательством плохого влияния, произведенного обещанием свободы крестьянам польско-русских провинций» (Chambrey. P. 374).

В своих дальнейших рассуждениях о судьбе Польши Шамбре еще больше изобличает изворотливость Наполеона, его нечестную игру с верхами Польши и Австрии, подчиненную своим захватническим планам.

«Наполеон поддерживал их усилия, – считал Шамбре, – и уверял, что сделает все зависящее от него в достижении их целей. Но он не мог согласиться на нарушение владений Австрии, той части Польши, которая присоединена к ее империи.

«“Пусть Литва, – говорил он, – Самогития, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина войдут в тот же настрой, который я увидел в великой Польше. Провидение увенчает успех святости вашего дела. Оно вознаградит ту преданность вашей родине, которая сделала вас знаменитыми и поможет вам завоевать право на мое уважение и мою защиту, на которую вы должны рассчитывать при всех обстоятельствах”.

Таким образом, откладывая восстановление королевства в Польше, которое для себя поляки считали делом решенным, Наполеон через Сейм провозглашает восстановление, чтобы поддержать энтузиазм поляков герцогства Варшавского и возбудить всех, кто был под управлением русских, на восстание. В то же время, чтобы убедить Австрию, он ведет с ней диалог, стараясь доказать, что не имеет никакого отношения к этому решению. Слишком грубая хитрость не могла без конца дурачить поляков, и их усердие, обманутое долгим ожиданием, поохладилось и потому, несмотря на быстроту успехов Наполеона, ни одна из русских провинций, принадлежавших старой Польше, не восстала. Никто не сомневался, что в глубине своих мыслей Наполеон не собирался восстанавливать королевства Польши в старых

пределах, даже если бы он начал диктовать свою волю России и имел бы возможность заставить Австрию уступить Галицию.

Я не могу помешать себе сделать вывод, что со времени заключения мира с Австрией в 1809 г. Наполеон мог отторгнуть Галицию от этого государства, оставив ей Иллирийские провинции и, как вознаграждение, несколько провинций в Италии. При таком положении вещей поляки вместо шестидесяти тысяч человек поставили бы ему сто двадцать тысяч, польские провинции, находившиеся под властью России, восстали бы. Наполеон восстановил бы Польшу, дал бы ей короля и способствовал бы этим королевством, возвращенным к его прежнему величию, тому, что заставил бы Россию подчиниться своей воле» (Chambray. P. 196–197).

Начало войны Франции с Россией. Обращения Александра I к армии, губернатору Санкт-Петербурга, его воззвания к нации и жителям Москвы

Возвращаясь к началу войны Наполеона с Россией, Шамбре отмечает: «Когда Александр узнал, что Наполеон перешел Неман, он находился на балу у генерала Бенигсена в его замке Закреб, в полулье от Вильны, бал был тотчас прерван, и на следующий день он обратился к своей армии с прокламацией, которая своей сдержанностью образует резкий контраст с прокламацией Наполеона.

“Вильна, 25 июня 1812 года.

«В течение долгого времени мы замечали со стороны императора французов враждебное действие по отношению к России, но мы всегда старались их отдалить согласительными и мирными средствами. Наконец, видя постоянное возобновление очевидных оскорблений, несмотря на наше желание сохранить спокойствие, мы вынуждены пополнять и собирать наши армии. Но тогда еще мы льстили себя надеждой достигнуть примирения,

оставаясь в границах нашей империи, не нарушая состояния мира, и быть только готовыми защищать себя. Все эти согласительные и мирные средства не смогли сохранить покой, который мы хотели. Император Франции, внезапно атаковав нашу армию в Ковно, первый объявил войну. Таким образом, видя, что ничто не может его склонить к желанию сохранить мир, нам не оставалось больше как, обращаясь за помощью ко Всевышнему – свидетелю и заступнику правды, противопоставить наши силы силам врага.

Нет необходимости напоминать командующим главам корпусов и солдатам об их долге и храбрости. Кровь доблестных славян течет в их жилах. Воины, вы защищаете веру, отечество и свободу, я со всеми вами. Бог против агрессора.

Александр»». (Chambray. P. 184–185).

В тот же день Александр обратился к графу Салтыкову, – губернатору Санкт-Петербурга, с таким письмом:

«Вильна, 25 июня 1812 года.

«Граф Николай Иванович! Французские войска перешли границу нашей Империи. За неуклонное соблюдение договора было заплачено самым вероломным нападением. Чтобы сохранить мир, я исчерпал все соответственные средства с достоинством своей короны и интересами моего народа. Все мои усилия были безуспешны. Император Наполеон твердо укрепился в мысли разорить Россию. Самые доступные предложения остались без ответа. Мне остается только взяться за оружие и употребить все средства, которые Провидение дало с помощью власти противостоят силой против силы. Я полностью доверяю доблести моего народа и храбрости своих войск. Провидение благословит праведное наше дело. Оборона отечества, сохранение независимости и народной чести вынудили нас пристегнуть шпагу. Я не сложу оружия до тех пор, пока один воин врага не останется на территории моей империи.

Пребываю к Вам благосклонный.

Александр». (Chambray. P. 185–186).

Толстой упоминает в романе и бал, и обращения – все то, о чем пишет Шамбре в своей книге:

«В тот самый день, – читаем мы в “Войне и мире”, – в который Наполеоном был отдан приказ о переходе через Неман, а передовые войска его, оттеснив казаков, перешли русскую границу. Александр проводил вечер на даче Бенигсена – на бале, даваемом генерал-адъютантами» (Т. 11. С. 12).

И далее:

«Возвратившись домой с бала, государь в два часа ночи послал за секретарем Шишковым и велел написать приказ войскам и рескрипт к фельдмаршалу князю Салтыкову, в котором он непременно требовал, чтобы были помещены слова о том, что он не помирится до тех пор, пока хотя один вооруженный француз останется на русской земле» (Т. 11. С. 14).

В воспоминаниях Шамбре называет еще две прокламации, составленные Александром уже в Полоцке в день эвакуации оттуда укрепленного лагеря. Одна – воззвание к жителям старинного города – столицы Москвы, другая – обращение к нации.

«Этот монарх, – пишет он, – скрывал до сих пор свои невзгоды, но, увидев недостаточность своих сил, встревоженный быстрыми успехами Наполеона, решился открыто поставить в известность свой народ о неизбежной опасности, угрожающей империи, и просить его о необходимости напряжения сил и принесения жертв. <...>

В этих прокламациях русский монарх осуждает Наполеона, желающего завоевать Россию, уничтожить ее религию... он призывает всех своих верноподданных принести большие жертвы для спасения государства и обязует дворянство каждой провинции произвести рекрутские наборы, наконец, призывает Москву показать пример преданности, которому должны

последовать провинции. Эти меры были запоздалыми, особенно в стране, где всякий марш крайне замедлен и не столько по причине протяженности пространства, сколько как следствие нечестного и порочного руководства» (Chambray. P. 223–224).

Толстой упоминает в романе о воззвании к России, говоря, что «Пьер... обещал Ростовым привезти им от графа Растопчина, с которым он был хорошо знаком, и воззвание к России, и последние известия из армии» (Т. 11. С. 79).

И далее речь идет о воззвании к жителям Москвы.

«После обеда граф уселся покойно в кресле и с серьезным лицом попросил Соню, славившуюся мастерством чтения, читать:

“Первопрестольной столице нашей Москве. Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше отечество”, – старательно читала Соня своим тоненьким голоском. Граф, закрыв глаза, слушал, порывисто вздыхая в некоторых местах...

Прочтя об опасностях, угрожающих России, о надеждах, возложенных государем на Москву, и в особенности на знаменитое дворянство, Соня с дрожанием голоса, происходившим преимущественно от внимания, с которым ее слушали, прочла последние слова:

“Мы не уедем сами стать посреди народа своего в сей столице и в других местах нашего государства для совещания и руководства всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оною везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую он мнит низвергнуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России”» (Т. 11. С. 83–84).

Толстой дает в сокращенном виде это воззвание, Шамбре приводит оба воззвания полностью и вот как они звучат в переводе с французского языка.

«К нашему старинному городу и столице Москве

Враг с неопишным коварством и силами, равными его ненасытному

властолюбию проник на нашу землю, чтобы подвергнуть ее опустошению. Русские армии горят желанием отомстить за это нападение, уничтожением его войск; но наша отеческая любовь к нашим храбрым солдатам не может им позволить подобной жертвы. Мы не потерпим, чтобы они приносили жертву на алтари Молоха. Они не должны мериться с ним, как человек с человеком. Он сражается, чтобы удовлетворить свое честолюбие, мы – чтобы защитить свой дом.

Зная его коварные замыслы и его огромные средства для их осуществления, мы не колеблемся нисколько представить перед глазами наших народов опасность, которая угрожает империи, мы настойчиво побуждаем ее патриотические усилия, чтобы уничтожить успехи, какие враг надеется извлечь из своего численного превосходства в настоящее время.

Крайняя необходимость заставляет призывать к объединению силы внутри империи, чтобы поддержать тех, кто оказался перед лицом врага, вынужден погибнуть или поставить барьер между ним и свободой нашей родины. Чтобы собрать эти новые силы, мы обращаемся к старой столице наших отцов, к городу Москве. Она была всегда суверенным городом для всех русских и первой в народной опасности готова послать своих храбрых детей на защиту Отечества.

Кровь устремляется к сердцу героев, чтобы сосредоточить в их душе всю свою энергию; так дети отчизны устремляются к этому городу со всех отдаленных провинций, чтобы почерпнуть из ее груди уроки храбрости, с какой они должны защищать своих малых детей и охранять могилы отцов от кощунственного осквернения.

Даже существование нашего названия на карте мира стоит под угрозой; враг провозглашает уничтожение России.

Благословение нашей святой церкви и трона царей, независимость русской империи – все оповещает наших верных людей о том, что они должны

рассматривать как священный призыв, с которым мы обращаемся к ним.

Мы поспешим сами встать среди верного народа Москвы и в других местах нашего государства для совещания и руководства ополчениями.

Пусть сердца нашего дворянства и других сословий государства поднимут дух этой священной войны! Пусть будет она благословенна Богом и пусть будет идти под хоругвиями нашей святой церкви! Пусть этот благородный пыл распространится от Москвы и охватит окраины наших провинций. Тогда монарх сможет пренебречь тысячами легионов коварного агрессора. То зло, несчастья, что он готовит для нас, обрушится на его же голову. Европа, освобожденная от рабства, будет славить имя России.

Воззвание составлено в лагере Полоцка

6 / 18 июля 1812 г.

Подписано Александр» (Chambray. P. 367–369)

«Воззвание к нации

Враг вторгся в пределы нашей родины – и продолжает нести свое оружие в глубь России. Он идет с вероломством, могущим разрушить империю, которая существовала всегда в течение многих поколений; он атакует ее с силой и пытается опрокинуть власть царей объединенными силами Европы. С предательством в сердце и лестью на губах он ищет возможности обмануть доверчивые души и навязать им оковы. Но если пленный разглядит свои цепи под цветами, умысел властелина раскроется сам собой; война ему необходима, чтобы утвердить дело предательства. Но Россия разгадала его хитрость. Ей открылась дорога правды; она провозгласила защиту Бога. Она противопоставляет обману врага сильную своей храбростью армию, которая горит желанием согнать со своей территории это племя саранчи, которое наводняет землю, но которое сгонит со своей груди земля, и эта саранча не сможет найти даже места своего погребения.

Мы собираем достаточные силы, чтобы уничтожить врага. Сейчас наши вооруженные солдаты, храбрые, как лев, который готов броситься на свою добычу, но мы не изменяем своим верным принципам, понимая, что храбрость бесстрашных воинов нуждается в опоре и сборе новых внутренних войск.

Мы спрашиваем наш город Москву, первую столицу нашей империи, показать пример, подняв своих детей на помощь империи. Сейчас мы обращаемся ко всем нашим верноподданным Европы и Азии, ко всем содружествам мирским и религиозным, наконец, к тем, кто объединяется в общем подъеме против всемирного тирана. В каком-нибудь месте этой империи, ведущей свои захватнические войны, она увидит наших смеющихся верноподданных над ее коварством, презирающих ее лесть и ложь, топчущих под ногами ее золото с негодованием оскорбленной доблести, с чувством достоинства проходящих мимо страданий ее рабских легионов.

Она найдет в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном лице – Палицына, в каждом крестьянине – Минина.

Благородное дворянское сословие! Вы были всегда защитниками нашего Отечества! Святейший Синод и представители нашего Духовенства, вы во всех условиях призывали своим заступничеством божественное покровительство нашему Отечеству! Народ русский! Бесстрашные потомки Славян! Это не в первый раз, как вы разбивали зубы тигров и львов, что бросались на вас! Объединяйтесь! Несите крест в ваших сердцах и железо в ваших руках, и никакая земная сила не устоит против вас.

Мы доверяем дворянству каждой провинции заботу об организации новых наборов рекрутов, сбор храбрых патриотов, которые встанут на защиту Отечества. По мере того как будут формироваться войска, они будут отправляться в Москву, где будут знакомиться с их предводителями.

Воззвание подписано Александр в Полоцке 6 / 18 июля 1812 г.»
(Chambray. P. 370–371).

Описание начала похода Наполеона в Россию. Трудности и лишения французской армии при вступлении на чужую землю

Далее Шамбре приступает к описанию самого похода в Россию.

«Одна только армия расположилась в Вильне, другие корпуса были на марше или расположились в палатках под открытым небом. Дороги, вообще трудные в стране, обильной лесами и болотами, не содержались в хорошем состоянии; они удовлетворяли нужды жителей, которые зимой пользовались только санями, ну а летом они были довольно хороши для мелких повозок этого края. Но во время оттепелей они становились очень плохими и мало использовались. Страшные дожди, что случались тогда, имели такое же действие, как оттепель. Большое количество и тяжесть наших повозок превращали дороги в непроходимые.

Все бывшие в походе корпуса запаздывали, большое количество лошадей гибло; на одной дороге, ведущей из Вильны, осталось более десяти тысяч их трупов, которые отсюда распространяли инфекцию. Очень страдали также солдаты, некоторые из них падали замертво, еще большее число переполняло госпитали, которые торопились устраивать. Эти сооружения нуждались во всем в течение первых дней, потом испытывали трудности, находясь в Польше, от отсутствия самого необходимого для их обустройства и по причине большого количества больных. Враг удачно атаковывал, если имел сколько-нибудь силы, чтобы испытать себя, но будучи слишком слабым, продолжал отступать» (Chambray. P. 182).

«С самого начала кампании стало очевидно тяжело вести наступательную войну с многочисленной армией в малонаселенной местности, где крепостной крестьянин имеет только самое необходимое и не может дать дополнительно продуктов, когда исчерпываются имеющиеся для него самого.

Большое количество повозок создают заторы на всех мостах, способствуют задержкам, которые усугубляют марш.

Приходилось слишком далеко искать фураж для кормления лошадей. Эта неприятная обязанность была особенно тяжела для солдат при артиллерии и обозе, имеющих по две лошади, за которыми требовался уход и для которых обычно нужно было больше времени, чем всадникам, чтобы преодолеть одно и то же расстояние.

Количество воинов и скорость маршей зависели от того, как шло распределение продуктов. Обозы с провизией, что следовали за армией, отставали на несколько дней и были слишком недостаточными. Полки с трудом тащили за собой стада и свои частные повозки; солдат не мог нести с собой провизию на несколько дней. Как только полк доходил до крайней точки отсутствия припасов, он посылал отряд на мародерство, который вынужден был углубляться в окружающую местность в поисках деревень...» (Chambray. P. 186–187).

Шамбре отмечает, что мародерство началось еще раньше, сразу по вступлении французов в Литву: «В день, когда захватили этот город (Вильну – *И. Г.*) войска проникли в замок, где Бенигсен принимал императора России. Они нашли его покинутым, но казалось, что бал прекратился всего несколько минут назад, так как в суматохе, которая последовала за новостью о приближении французов не было времени ничего унести, все было разграблено, разбито, перевернуто» (Chambray. P. 367).

«Наполеон приказал придавать смерти тех, кто будет заниматься разбоем и мародерством. Несколько дней спустя после своего прибытия в Вильну, до того как пал Минск, Наполеон опубликовал следующий приказ:

“Вильна. 3 июля 1812 года

Преступления совершаются в тылу армии праздно шатающимися и плохими солдатами, которые бесчестят имя французов, подрывают

коммуникации армии и мешают организации ее снабжения. Поэтому приказываю сформировать в Вильне судебную комиссию под председательством генерала, составленную из 4 других офицеров, назначенных генеральным штабом, которые будут судить преступления грабежа и мародерства” ...» (Chambray. P. 374).

В своих замечаниях в конце книги Шамбре раскрывает непоследовательность действий Наполеона, подчеркивая его стремление к собственному обогащению, не сдерживаемое ничем и способствующее процветанию бесчинств в его армии.

«Эта жгучая жажда к обогащению, распространенная среди генералов, управляющих и служащих, была не без его влияния. Наполеон до некоторой степени допускал взятки, не пресекая их, и, допуская организацию майоратов, не беспокоился, из какого источника черпалось богатство. В 1806 году он довел до сведения своей армии, что те, у кого есть деньги с помощью казначея, могли достать что-нибудь во Франции. Но прошло семь месяцев, и армия не получила ни одного солда. Деньги можно было достать только незаконными путями.

Наполеон несколько раз заставлял пополнять свою казну частью сумм, которые его генералы доставали незаконными поборами. Казалось, что за этим должна бы последовать по правосудию, по крайней мере, опала, немилость, но это был только дележ, и они продолжали пользоваться его защитой» (Chambray. P. 377–378).

«Я уже нарисовал картину трудностей, которую представляла война в России: бесконечных бед, угнетающих армию с первых дней нападения, огромных потерь, которые последовали за ним.

Мародерство не давало ни хлеба, ни муки, ни водки в достаточном количестве, не было времени, чтобы перемолоть зерно в муку. Те мельницы, что встречались на пути, оставленные без всякой охраны, были сожжены или

разорены. Обозы с продуктами были далеко позади или не присоединялись вовсе. Мясо животных, болотистая вода были часто единственной пищей солдата. Усталость, лишения, нездоровая пища, жгучее солнце в течение длинных дней, бивуак, предпочитаемый в еще прекрасное время года инфекционным лачугам крестьян, способствовали многим заболеваниям, особенно дизентерии. Надо было устраивать большое количество госпиталей, но их всегда было недостаточно, и они были плохо оборудованы. Больным с трудом доставляли пищу и помощь первой необходимости; все было слишком далеко, чтобы обеспечить уход за ними, которого требовало их состояние. Литва не предоставляла почти ничего из ресурсов для такого рода заведений. Провизия не была предусмотрена для столь большого количества больных и запаздывала из-за задержки транспорта.

Армия страшно таяла как из-за болезней, так и отстающих солдат; войска наших союзников несли еще более сильные потери. Русская армия, пребывающая в несколько ином виде образа жизни, столь новом для нас, испытывала меньше лишений, постоянно получая новые подкрепления, наблюдала каждый день возрастающую разницу между собой и французской армией.

Многих отставших, как я уже говорил, осевших в деревнях, заставляли догонять движущие колонны и части из Вильны и Минска, хозяевам было позволено их арестовывать, обезоруживать и препровождать в эти два города с помощью крестьян. Это было исключительное зрелище: среди всех наших успехов наблюдать, как крепостные литовцы сопровождают наших обезоруженных солдат» (Chambray. P. 242–243).

«Наполеон приказывал приговаривать к смерти отстающих солдат, которые занимались грабежами или мародерством. Если бы этот приказ строго исполнялся, надо было бы расстрелять тысячи солдат, так как мародерство было единственным средством существования из-за отсутствия снабжения

продуктами.

К военному суду привлекали только тех, у кого находили предметы грабежа. За это сразу осудили до 80 человек и приговорили их к смерти, но приговор привели в исполнение только для двух или трех человек – наиболее виновных. Количество отставших солдат было невообразимое. Из них пришли в Вильну и в Минск тысячи – те, что представились там сами, и те, кого привели подвижные колонны и крестьяне. Сформировав из них батальоны с помощью офицеров в запасе, их направили в армию, но их судьба не стала лучше, они снова оказались позади и под знамена стало только небольшое число.

Мародерство и беспорядок, неотделимые от больших скоплений войск, всегда сопровождали Наполеона в завоевательных походах, которые он вел до сих пор. В тылах армии, порядок восстанавливался быстрее: войска получали довольствие или питались у обывателя, мародерство пресекалось строго. В этой новой войне, поскольку армия уже достигла большие расстояния от границы, приказ не возобновлялся совсем. Обыватель был угнетен теми же незаконными поборами, как и в первые дни вторжения армии. Снабжение было организовано только на нескольких этапах, но оно не было регулярным из-за отсутствия продовольственных запасов. Но часто, несмотря на полные склады, солдатам отказывали в распределении или давали недостаточно.

В Ковно, используя навигацию на Немане, удалось сформировать склады, почти сразу после перехода армии через русскую границу. Однако было отказано выдавать овес под предлогом, что его нужно отправить в Вильну. Войска получили провизию только на три дня, чтобы достигнуть этого города, в то время как лучше было бы задержать их прибытие в армию на несколько дней, чем заставлять людей и лошадей идти с такой чудовищной быстротой. Корпусам и отрядам хватило времени только для того, чтобы пробежать эту дистанцию. Артиллерийские парки и другие обозы с меньшим

числом лошадей, чем артиллерия с батареями, и солдаты, вышедшие из госпиталей, могли покрыть это расстояние только в пятидневный срок. Все занимались мародерством, одни потому, что не было никакого начальства, которое могло бы им помешать, другие по необходимости. Я должен добавить также, что солдат не смог бы с обычной порцией провизии вынести чрезмерных тягот, которым он подвергался. В Вильне войскам, что там находились, давали половину рациона, а тем, кто уезжал оттуда, на 6 дней выдали продуктов ровно полрациона. Когда Виктор проник в Литву с восьмым корпусом спустя более двух месяцев после начала военных действий, то в Ковно получил довольствия только на три дня, а из Вильны, хотя склады были полны, он с трехдневным запасом продовольствия с трудом достиг Молодечно, находившегося в пяти днях перехода, так что мародерство становилось неизбежным» (Chambray. P. 244–249).

Так, шаг за шагом Шамбре описывает события 1812 года, раскрывая характер своего императора, показывая одновременно поступки, несовместимые со здравомыслием и адекватной оценкой обстоятельств, явно ведущих к провалу его завоевательных планов.

Стремление автора рассказать правду о походе Наполеона с позиций участника событий, члена огромной потерпевшей крах армейской семьи представляло немалый интерес для читателя, особенно для такого художника-реалиста, каким был Лев Толстой.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.. Энцикл. словарь. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 124.

ⁱⁱ Отечественная война в 1812 году: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 789.

ⁱⁱⁱ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. (Юбил. изд.). М.; Л., 1928–1958. Все ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

^{iv} «История похода в Россию в 1812 году» маркиза де Шамбре. (на французском языке). Париж, 1825. Издание второе. Т. I. Отрывки из книги даются в переводе И.К. Грызловой. Номера страниц указаны в скобках после фамилии писателя (Chambray). Деление на главы

и названия к ним даны также автором статьи.

^v Сов. энциклопедия. М., 1971. Т. 4. С. 161.